

Конрад ФИАЛКОВСКИЙ

Меня зовут Мольнар

Научно-фантастический рассказ

Прузовик остановился на повороте. Он вышел из кабины, прихватив свою потертую дорожную сумку, еще раз улыбнулся водителю и двинулся в гору. Он шел медленно, останавливаясь через каждые двести-триста метров, хотя дорога, на которую он свернул, поднималась в гору не слишком круто. Сквозь рубашку он чувствовал на спине тепло полуденного солнца. Вокруг на белых скалах росли карликовые сосны, но солнце иссушило их за жаркий день, и он чувствовал лишь запах собственного пота и едва уловимый аромат моря, раскинувшегося где-то за ближайшими холмами.

Он прошел мимо таблички с надписью, запрещающей въезд, и мимо второй, сообщавшей, что он находится на территории частного владения. Боль усиливалась. Он остановился, достал из верхнего кармана рубашки флакончик с таблетками, высыпал их на руку, сунул одну под язык и, поколебавшись, взял еще половинку. Не дожидаясь, пока боль пройдет совершенно, двинулся дальше. Еще один поворот, и он оказался перед воротами. Он ожидал увидеть какую-нибудь вывеску, но ничего подобного не было. Железные, немного старомодные ворота. Рядом пристроилась будка вахтера, сложенная, как и все здесь, из белого камня. Он вошел и увидел человека, сидевшего за небольшим, прикрепленным к стене столиком, на котором стоял телефон. На человеке было что-то вроде униформы, но ремня не было, не было и фуражки, только небольшой металлический шлем покрывал затылок.

— Вы условились? — спросил человек.

— Нет. Я пришел, потому что...

— Вы прочли надпись на табличке?

— Разумеется, но...

— Прошу вас придерживаться того, что вы прочли, и покинуть это место. Здесь частное владение.

«Если б я приехал на собственной машине, он разговаривал бы со мной иначе», — подумал пришедший и сказал:

— Это владение доктора Эгберга?

— Да, но я уже сказал...

— Я друг доктора Эгберга. Мы знакомы много лет, — добавил он, чтобы сгладить предыдущую фразу, которая не совсем отвечала истине.

Человек в форме не удивился, не заколебался. Просто поднял трубку телефона.

— Проходная, — сказал он, — прошу соединить с секретариатом доктора.

Прошло некоторое время.

— Ваше имя и фамилия? — спросил мужчина, не отрывая трубки от уха.

— Ральф Мольнар, профессор Ральф Мольнар, — уточнил он, вспомнив, что Эгберг должен помнить его как профессора. Привратник остался безразличным, словно докладывать о прибытии профессоров вошло у него в привычку. Потом сообщил фамилию, и они продолжали ждать.

Мольнар — опершись о стенку, привратник — неподвижно уставившись в какую-то точку на стене.

— За вами придут, — сказал он наконец. — Оставьте свои вещи. Мы принесем их вам позже. Таковы правила, — добавил он, словно это все объясняло.

Мольнар пожал плечами, подтолкнул ногой сумку и, услышав на тропинке шаги, повернулся. Перед ним стояла девушка, высокая девушка в летнем платье без рукавов.

— Доктор Эгберг просил приветствовать вас от его имени. Я должна позаботиться о вас, профессор, и спросить, надолго ли вы останетесь у нас.

— Посмотрю. Еще не знаю.

— Во всяком случае, до утра наверняка. Уже поздно. Доктор приглашает вас на ужин.

Мольнар шел за девушкой по выложенной камнями дорожке, среди густых незнакомых ему кустов, глядя на длинные, очень полные и все-таки стройные ноги идущей перед ним девушки. Он опять почувствовал боль в груди, но не остановился. Дом должен быть близко. Действительно, он выдавался в сад большой незастекленной верандой, и вдруг Мольнар понял, насколько велик дом. Его размеры скрывала зелень: деревья, заглядывающие своими ветвями прямо в окна, и вьюны, взбирающиеся по стенам под самую крышу.

— Вы будете жить на втором этаже, профессор, — сказала девушка, когда они входили в дом.

Она направилась прямо к лестнице, а Мольнар на минуту остановился. На стене перед ним висела большая темная картина, освещенная красными лучами заходящего солнца, но он не видел картины — чувствовал только сильную боль. Девушка тоже на минуту остановилась. Потом подошла к лифту и нажала кнопку вызова. Кажется, она на него не смотрела, и все-таки он не мог решиться достать флакончик. Боль понемногу отступала, и теперь он видел на картине огромного осьминога, тянущегося к клиперу, идущему под всеми парусами по бурному морю.

— Лифт вниз, профессор, — сказала девушка.

Он хотел ответить, что она напрасно побеспокоилась, но смолчал. Они поднялись на второй этаж и по коридору прошли куда-то в глубь дома. «Похоже на отель, — подумал Мольнар, — коридор и десятки дверей. Дверей без ручек».

— Здесь, — сказала девушка, пропуская его вперед.

Он оказался в комнате, где имелась вся необходимая мебель, а также большой телевизор. На кровать даже не взглянул. Он спал хорошо везде, как и прежде, в молодости, и был не настолько высок, чтобы короткая кровать могла стать для него проблемой.

— Ванная здесь, — девушка приоткрыла дверь.

— А мои вещи?

— Сейчас будут.

Он заметил, что она смотрит на него и улыбается. «Ин-

тересно, сколько ей лет, — подумал он, — наверняка выглядит значительно моложе».

— Доктор Эгберг вскоре поговорит с вами.

— Поговорит?

— Да. Вероятно, он нанесет вам визит.

— Ах вот как!

— Если вам еще что-нибудь понадобится, позовите меня.

— Крикнуть?

— Меня зовут Мейдж.

— Но как крикнуть?

— Мисс Мейдж... или просто Мейдж.

— Прямо отсюда, из комнаты?

— Из комнаты или из ванной. Немного громче, чем вы обычно говорите, важно, чтобы пропустили дискриминаторы.

— Понимаю, — сказал Мольнар. Что-то зашуршало за дверью, и раздался звонок, установленный где-то под потолком.

— Ваши вещи прибыли, — сказала девушка, открыла дверь и взяла стоящую на полу сумку.

— Зачем все это? Я мог и сам принести...

Она не ответила. Еще раз улыбнулась и вышла. И тогда он увидел на том месте, где она стояла, сандалию. Мейдж потеряла сандалию и не заметила этого. Он поднял ее с пола и дернул дверь. Дверь мгновенно сопротивлялась, потом поддалась. «Совсем так, словно решала, открываться или нет», — подумал он. В коридоре никого не было. Он некоторое время постоял с сандалией в руке, а затем вернулся в комнату.

* * *

Через час, побрившись, приняв ванну и надев вынутую из сумки сорочку, он сидел в не очень удобном кресле и смотрел в мрак за окном. Климатизаторы бесшумно нагнетали холодный воздух, пахнущий солью и водорослями, и на какое-то мгновение ему показалось, будто это дует настоящий вечерний бриз перед тем, как ночью изменить свое направление. Деревья за окном не шевелились, и он видел только мелькающие многоугольники летучих мышей на фоне неба. Прежде чем сесть, он попытался отворить окно, но задвижки даже не дрогнули, хотя он нажимал на них изо всей силы. «Я слишком слаб», — подумал он и отказался от своего намерения, потому что после усилий всегда начиналась боль.

Он сидел неподвижно и думал о портовом районе, в котором последнее время жил, о маленькой комнатке с одним окном, в которую надо было подниматься по крутой лесенке, о баре в двух шагах от дома, где он частенько сиживал, о ежедневной утренней поездке на работу по узким пыльным улочкам. Об институте и давних временах он никогда не думал.

— Добрый вечер, профессор, — услышал он голос за спиной и резко обернулся. В комнате не было никого, только на матовом экране он увидел лицо. Это был Эгберг,

Рисунки С. ПРУСОВА

он узнал его сразу, хотя прошло уже десятка полтора лет с тех пор, как они ежедневно встречались в институте. Те же широко расставленные темные глаза и широкие сросшиеся брови. — Рад вас видеть. Хорошо, что вы меня навестили.

— Ну что ж, честно говоря, у меня не было иного выхода. Иначе я б сюда не приехал.

— А вы совсем не изменились за эти годы. Вы всегда говорили то, что хотели сказать, прямо. Именно таким я вас знал.

— Наверно, вы догадываетесь, зачем я приехал?

— Может быть, об этом позже? Поужинаем вместе. Помнится, вы любили форель с шампиньонами. По вторникам на обеде у Петі вы всегда...

— С тех пор мои вкусы изменились.

— А я распорядился приготовить это блюдо. Форель мы доставляем на самолетах.

— Поражаюсь вашей памяти.

— В то время я был в таком возрасте, когда запоминают почти все. А обеды по вторникам с вами — это была вершина мечтаний любого из нас. Итак, жду. Моя секретарша зайдет за вами. — Экран замигал и погас.

«Форель у Петі. Я даже вкус ее забыл», — подумал Мольнар.

— Ваша сандалия, Мейдж. Вы потеряли ее, — сказал он, когда вошла девушка.

— Не беда, у меня их много. Я часто теряю сандалии. Я такая рассеянная... — добавила она, заметив, что он внимательно смотрит на нее. — Видите, у меня уже новые!

Он подал ей сандалию. Мейдж взяла ее как-то нерешительно. Мольнар заметил это и запомнил.

— Доктор Эгберг ждет вас, — сказала она.

Они опять прошли по тем же коридорам и спустились на первый этаж. Коридор был освещен небольшими желтоватыми лампочками. «Похоже на отель начала века», — опять подумал Мольнар. Столовая, в которую они вошли, была освещена так же. Стол был накрыт на двоих, приборы стояли друг против друга, так что один находился немного в тени.

«Мне придется сидеть на освещенном месте. Стиль Эгберга», — подумал Мольнар и, взглянув на черный вечерний костюм доктора, почувствовал себя немного неловко. Но это длилось одно мгновение.

— Искренне рад вас видеть, — сказал Эгберг и указал на стул.

Предвидение Мольнара оправдалось. Они сели, и Мольнар подумал, что Эгберг тоже уже далеко не молод. Он был седоват, вернее, почти совершенно сед, той сединой брюнетов, которая начинается около тридцати. Но Эгбергу было больше. Когда Мольнар видел его в последний раз, ему было двадцать с чем-то.

— Вы попали ко мне без труда?

— Ваша лечебница — известное место. Ее знают на всем континенте.

Эгберг поморщился.

— Скорее не лечебница, профессор, а институт. То, что время от времени я принимаю нескольких состоятельных пациентов, еще ни о чем не говорит. На какие-то средства я должен все это содержать. Но прежде всего это институт. Мы ведем интересные работы, которые в определенном смысле продолжают то, над чем мы некогда работали сообща.

— Я уже давно не занимаюсь наукой. К счастью.

— Я вижу, вы уже больше не оперируете, — Эгберг смотрел на руки Мольнара.

— Теперь я не хирург, не нейроник. Сейчас я даже не удержал бы скальпеля, — Мольнар поднял руки так, чтобы Эгберг мог их рассмотреть. Он знал, что они покрыты трещинками и темными следами смазки, въевшейся в складки кожи.

— Мне говорили, что вы вообще бросили свою специальность. Вначале, после вашего ухода, я думал встретиться с вами на каком-нибудь конгрессе, конференции...

— А что бы я там делал? Нет, я покончил со всем сразу. Зато о ваших успехах читал в газетах, — ответил Мольнар.

Подали холодные закуски, человек, который им прислуживал, делал это неловко. Это был огромный мужчина, с трудом уместившийся в своем костюме.

— А мы вспоминали вас частенько, — Эгберг смотрел в какую-то точку над головой Мольнара. — Если забыть о том, что ваше решение ничего не могло изменить, это было, несомненно, доказательством большой смелости.

— Не надо преувеличивать. Просто я понял, что для меня нет места. Ничего больше.

— Немного найдется людей, которые поступили бы так же. Ну, ваше здоровье, профессор. Вы пьете, не так ли?

— Иногда. Усилие воли концентрируется на том, чтобы не курить, — он поднял рюмку.

Когда подали форель, он, наконец, решился. Раньше он подождал бы кофе, но подумал, что теперь законы мира, которому он уже не принадлежал, для него не обязательны.

— Вы догадываетесь, доктор, почему я навел на вас? — спросил он.

Эгберг кивнул.

— Пусть вам не кажется, что я пришел при первых же признаках. У меня было два приступа и третий — вопрос ближайших дней. Я еще немножко врач. После третьего мне уже не встать. При характеристике моих тканей о замене сердца нечего и говорить. Вероятности возврата к нормальной жизни — почти никакой. А прозябать еще год или два в больнице... Это меня не увлекает.

— Одним словом, вы хотите получить искусственное сердце?

— Вот именно.

— И стать киборгом?

— Ну... да.

— При ваших-то взглядах на эти вещи?

— Доктор, я сам вживлял первые модели таких приборов. Мои замечания всегда касались мозга, и только мозга. Надеюсь, вы об этом помните.

— Конечно. Вы были приверженцем ограниченной киборгизации. Сердце — прекрасно, печень или почка — чудесно, но не смейте прикасаться к мозгу. Вот ваши взгляды, профессор.

— Да, и я их не изменил.

— Если бы вы тогда их отстаивали, если б вам это удалось, наш старый институт был бы теперь провинциальной лечебницей, не имеющей никакого научного значения, а я... я, возможно, вживлял бы сердца в какой-нибудь второразрядной больнице.

— В свое время вы сделали все, чтобы этого не случилось.

— Согласен. Но не это главное. Не я, так кто-нибудь другой. Прогресс не остановить.

— Если только это прогресс...

Эгберг не ответил. Он допил свою рюмку, и некоторое время они молчали.

— Итак, вы знаете, доктор, что я имею в виду, — ска-

зал Мольнар и отодвинул почти не тронутую тарелку. Он чувствовал нарастающую гнетущую боль. «Мне нельзя думать об этом. Я уже не профессор. Я полностью порвал с прошлым. Я просто старый электромеханик из доков каботажного плавания, который хочет, чтобы ему дали искусственное сердце».

— Почему вы выбрали именно меня, мой институт?

— Потому что вы делаете это лучше, чем кто-либо в нашем полушарии. Впрочем, в другой лечебнице меня просто не приняли бы. У меня нет денег, доктор.

— Но ведь есть государственные клиники...

— Я знаю, что вы хотите сказать. Да, там меня приняли бы, даже даром. Но мне пришлось бы подписать обязательство, что я согласен на экспериментальные методы и на все с этим связанное. А это, возможно, не вполне явная, но все же какая-то форма опытов на человеке. Кроме того, разве они могут дать мне гарантию, что в результате их экспериментальных методов я стану нормальным человеком? А я не согласен на прозябание. Я хочу плавать, грести, бегать по лестницам, хочу действительно жить.

— У вас изменились интересы. Раньше вы целыми неделями не покидали института. Можно сказать, жили в нем.

— То, что было когда-то, не имеет никакого значения. Вы знаете, чем я занимаюсь сейчас? Программирую автоматические навигационные приборы на кораблях, которые плавают от порта к порту и развозят грузы. Я кончаю работу и остальное время посвящаю себе. Никаких раздумий, никаких проблем. Иногда какая-нибудь книжка...

— Понимаю. Я предпочитал бы, чтобы у вас были деньги. Тогда у меня не возникло бы никаких проблем. Обычный пациент...

— Но тогда я наверняка не обратился бы к вам.

— Вы по крайней мере откровенны, профессор.

— Я долго колебался, прежде чем прийти. Я думал о другом полушарии. Там это делают даром. Когда-то, когда я еще был профессором Мольнаром, все было бы очень просто, но теперь... Теперь я не смог бы даже наскрести денег на поездку...

— Стало быть, вы продумали все возможности и остановились на мне.

— Вот именно.

— Я не отвечу вам так просто, — помолчав, сказал Эгберг. — Я должен подумать...

— Только не очень долго. Я могу умереть здесь у вас. Нет, не думаю, чтобы у вас были какие-нибудь неприятности, если бы кому-нибудь пришлось в голову проверить, кем я был и что нас, мягко говоря, некогда разделяло. В конце концов это давнее дело. На всякий случай в моих вещах хранится адрес моего врача.

— Хороший специалист?

— Провинциальный врач средней величины.

— Я уже знаю его адрес. Завтра я получу все данные, которыми он располагает.

- Вы перетрясли мои вещи?
- Как видите. Впрочем, не я лично.
- Вы откровенны. Это нечто новое. Не думал, что это приходит с возрастом.
- Вы всегда думали обо мне хуже, чем я есть, профессор. Я никогда не боролся против вас лично. Я боролся только против ваших взглядов.
- Результат был тот же. Впрочем, не будем возвращаться к прошлому.
- Согласен. Выпьете кофе? Мне думается, это вам не повредит.
- Ну что ж, выпью.
- Перейдемте в мой кабинет.
- Кофе и коньяк ждали их. Свет был желтый, приглушенный, как и во всем доме. В глубине комнаты Мольнар заметил нечто напоминающее большой пульт управления. Пульт был темным, только почти на самом его краю мигал одинокий красный огонек.
- Простите, профессор. Я на минутку. В институте что-то происходит, — Эгберг подошел к пульта, над которым в тот же момент загорелись две яркие лампы дневного света. На экране появилось лицо человека в белом халате.
- Что нового, Дорн? — спросил Эгберг.
- Все в порядке. Только шестнадцатая нервничает. Поэтому я обеспокоил Вас.
- Ты пытался дать поляризующее напряжение?
- Да. Не помогает.
- Хорошо, сейчас посмотрю, — сказал Эгберг и повернул экран так, что Мольнар уже больше ничего не видел. Щелкнул переключатель, и Мольнар услышал вой, монотонный, низкий, почти нечеловеческий. Он встал и, стараясь не задеть стол, подошел к пульта. Эгберг, склонившись к экрану, стоял к нему спиной. Он был выше Мольнара и заслонял часть экрана. Однако в незаслоненной части Мольнар увидел женскую руку, может быть, детскую. Рука разжималась и спазматически сжималась, потом шло предплечье, а дальше был металл, странная сетка, напрягающаяся и набухающая в такт спазмам руки. Он минуту смотрел на руку, потом взглянул в глубь экрана. Там в большом прозрачном сосуде плавал мозг. Он не мог ошибиться, он был нейроником. Вдруг вой прекратился, экран погас. Эгберг повернулся и сверху посмотрел на стоящего перед ним Мольнара.
- Это был мозг, — сказал Мольнар.
- Конечно.
- И рука человека.
- Рука человека, но мозг обезьяны. Он управляет рукой человека как более специализированной, чем конечность обезьяны. Двойная гибридная система. — Эгберг погасил лампы над пультом управления, и Мольнар видел теперь только столик, кресла и дымящийся кофе.
- Садитесь, профессор. Настоящий ученый всегда любопытен, не так ли?

— Не очень понимаю... к чему эта система?

— Какие-нибудь простейшие услуги... скажем, подавать пальто в гардеробе, обертывать конфеты в бумажки. Всюду, где не требуется избыток мышления, а рука человека хорошо справляется... или более желательна. Если бы я поехал на осенний конгресс нейроников, я б установил своего киборга у входа и он пожимал бы всем входящим руки.

— Сумасбродная идея.

— Вы правы. Но реклама превосходная. К сожалению, я не еду на конгресс...

Они молча пили кофе. «Напрасно я сюда приехал, — думал Мольнар. — Можно было предвидеть, что он не даст мне искусственного сердца. Вероятно, сейчас он размышляет, как отказать, чтобы потом не мучали угрызения совести. Хотя бывают ли у такого человека вообще когда-нибудь угрызения совести?» Потом он подумал о своей железной кровати, звоне насекомых и вое корабельных сирен.

— Я, пожалуй, пойду к себе, — сказал он, — и завтра утром уеду.

— Позвольте, но мы еще не кончили беседы.

— Боюсь, ее результат уже предрешен.

— Но я еще не дал вам ответа.

— В данный момент это кажется мне несущественным.

— К вечеру нас всегда охватывают сомнения, которых не бывает утром. Доброй ночи, профессор. Моя секретарша вас проводит.

— Та, которая теряет сандалии?

— Да... Вы наблюдательны, профессор.

Мейдж уже стояла на пороге.

— Спокойной ночи, — сказал Мольнар и вышел следом за Мейдж.

* * *

Оставшись один в своей комнате, Мольнар попытался открыть окно, но опять безрезультатно. Он хотел выглянуть в коридор, но дверь не открывалась. И тогда он впервые подумал, что отсюда уже не выйдет. Он мог крикнуть Мейдж или Эгберга, но вспомнил о кабинете и пульте, на котором загорится красная лампочка, и раздумал.

* * *

Его разбудил стук. Вежливый стук в дверь, как в обычном доме. За окном светило солнце и начиналась ежедневная жара, длящаяся здесь до позднего вечера.

— Прошу, — сказал он и подтянул простыню с одеялом к самому подбородку.

Вошла Мейдж и принесла поднос с завтраком. Он почувствовал запах кофе.

— Благодарю вас. Но почему вы, а не тот?..

— За вами присматриваю я. Мне казалось, я делаю это хорошо.

— Изумительно. Попрошу вас только открыть окно.

— Сейчас жара и пыль. Может быть, вечером...

— Вечером я уже пробовал.

— Ах, вероятно, это изолированная комната.

— Изолированная?

Мейдж не ответила. «Растерялась, — подумал Мольнар, — боится, что сказала лишнее».

— Вы не ответили, Мейдж.

— Спросите, пожалуйста, доктора Эгберга. Ведь он ваш друг...

— Да, конечно. Спрошу.

Он впервые видел ее при дневном свете. Тогда, у ворот, он был слишком утомлен, чтобы рассматривать ее. «Складная девушка. Из тех, что не бросаются в глаза, а всегда остаются на втором плане», — подумал он и почувствовал смутное сожаление, которое иногда ощущал в последние годы, когда видел таких девушек, как эта.

— Я приду после завтрака. Доктор Эгберг хочет с вами увидеться.

Он кивнул, подождал, пока она уйдет, потом подошел к двери и нажал ручку. Дверь задержалась на мгновение, понадобившееся электромеханическому устройству для того, чтобы принять решение. Потом он вернулся к завтраку. Он был голоден и хотел наполнить чем-нибудь желудок перед ожидавшей его многокилометровой дорогой. Побрился, собрал вещи и сунул их в сумку. Вышел в коридор, потом спустился вниз. Дорожка, ведущая к воротам, лежала в полной тени. Он шел не слишком быстро и не слишком медленно, считая про себя шаги. Навстречу ему из проходной вышел привратник. «Тот же, что и вчера», — узнал Мольнар и хотел обойти его, но тот схватил его за руку.

— Куда? Нельзя!

Вместо ответа Мольнар свободной рукой изо всей силы ударил стража в желудок. Уже в момент удара он знал, что то, во что он угодил, не было телом. Привратник даже не шелохнулся, не изменил выражения лица. Мольнар почувствовал, как пальцы привратника, словно металлические клещи, сдавливают ему руку. Он отпустил сумку. Привратник легонько толкнул его в грудь. Мольнар покачнулся.

— Нельзя, — повторил привратник.

«Пройду. Я должен пройти», — подумал Мольнар и в этот момент почувствовал такую боль, что, кроме нее, уже не было ничего. «Это пройдет, сейчас пройдет». Удара от падения он даже не почувствовал, просто увидел вершины сосен, растворяющиеся в голубизне неба.

* * *

Открыв глаза, он увидел склонившегося над ним Эгберга. Знакомая боль, приближение которой он безошибочно

предчувствовал, исчезла. Только в верхней части груди чужего жгло кожу. Он хотел пошевелиться и не смог.

— Все в порядке, — сказал Эгберг. — Вам повезло.

— Повезло?

— Не окажись вы в этот момент в институте, вас сейчас уже не было бы. Я и так едва успел.

— Это был конец?

— Да.

— А сейчас?

— У вас искусственное сердце.

— Значит, все-таки?..

— Я спасал вашу жизнь.

— Благодарю.

— Надеюсь, все пройдет хорошо.

— Я тоже.

Говорить было трудно. Он лежал неподвижно и смотрел в потолок. Эгберг тоже замолчал. Мольнар ждал, когда он заговорит.

— Прошло не меньше пяти минут, прежде чем я поставил кровь циркулировать.

«Еще бы немного, и конец», — подумал Мольнар.

— Вы поступили неосмотрительно, профессор, с вашим сердцем...

— Я хотел уйти. Уйти отсюда, — тихо сказал Мольнар.

— Следовало предупредить меня.

— И остаться в запертой комнате... изолированной, как вы это называете.

— Блокада случайно включилась на ночь.

«Значит, Мейдж ему сказала», — подумал Мольнар.

— Я не верю в подобного рода случайности, Эгберг.

— Не в моих силах переубедить вас. Но, как видите, ваши опасения были, пожалуй, необоснованными.

— Не знаю.

— Но вы живы!

— Это факт...

Эгберг заколебался, словно хотел еще что-то сказать, но не сказал больше ни слова и ушел. Мольнар прикрыл глаза. «Пройдет несколько дней, прежде чем я смогу отсюда уйти, — подумал он. — Даже при современных методах быстрого заживления швов на это потребуется некоторое время. И все-таки он спас мне жизнь. Видимо, он таки хотел дать мне искусственное сердце». Он снова подумал о блокаде двери, но уже не почувствовал уверенности в своей правоте. Потом уснул.

Проснулся он ночью. Хотелось пить. В комнате было темно, горел только небольшой ночник, стоявший на столике рядом с кроватью. Возле столика, в кресле, в котором еще вчера сидел он, дремала Мейдж.

— Мейдж, мисс Мейдж... — тихо позвал он.

Девушка открыла глаза.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она тоже шепотом.

— Прекрасно, — он попытался улыбнуться. — Хочется пить.

— Пожалуйста, — она подала ему стакан. У жидкости был вкус мандаринового сока.

— Болит? — спросила она.

— Уже нет.

— Заживает хорошо. Вечером доктор Эгберг осматривал вас.

— И я даже не проснулся?

— Вы находитесь под действием препарата Броткаса. Это дает отличные результаты, — пояснила она.

— А вы, я вижу, квалифицированная сестра.

— Секретарша, ассистентка и все прочее. Интересно, какова будет ваша роль?

— Роль?

— Ну да. Ведь вы новый объект на ферме Эгберга. Так мы между собой называем институт.

— Не понимаю.

— Он с вами не разговаривал?

Мольнар хотел было ответить отрицательно, но подумал, что тогда ничего больше от нее не узнает.

— Так, мельком, — сказал он.

— Наверно, вы получите что-нибудь поинтереснее, чем я. Вы профессор и когда-то были коллегой Эгберга...

— Даже его шефом.

— Вот видите. Вероятно, вам дадут электронную лабораторию. Она уже месяц как без руководителя.

— А старый... уехал?

— Уехал... — повторила Мейдж с какой-то странной интонацией. — Ушел в мир иной. Он просто умер.

— А что с ним случилось?

— Его нашли в бункере. Там нет энергетического поля, железобетонные стены толщиной в два метра экранируют, и энергия не доходит.

— Какая энергия?

— Приводящая в движение сердце. У него было такое же, как и у вас.

— Не понимаю, — Мольнар сказал это, хотя уже начал понимать. Он прикрыл глаза и почувствовал странную спазму в желудке.

— Будете спать? — спросила Мейдж после короткого молчания.

— Нет. Я отоспался уже за все время, — он вслушивался в свой собственный голос и удивлялся его будничности. — И эта энергия доходит сюда?

— Конечно. Весь институт и район вокруг него в радиусе примерно полукилометра охвачены этим полем.

— А дальше?

— Что дальше?

— Если я захочу отойти дальше за пределы института, к морю или поехать в город? — спросил Мольнар, хотя уже знал ответ. Но ему хотелось услышать его от девушки, которая так буднично говорила обо всем этом.

— Не сможете. Это смерть. Ведь вы об этом прекрасно знаете и сами. Вы подписали обязательство. В присутствии нотариуса.

— Я ничего не подписывал.

Мейдж немного помолчала, потом тихо сказала:

— Не успели. Но еще подпишете. Это обычная формальность.

Он хотел сказать, что не подпишет, но вспомнил историю с блокадой двери и смолчал.

— Все мы приезжаем сюда именно за этим, — добавила Мейдж как бы с сожалением. — До приезда я была секретаршей в экспортной фирме в Буэнос-Айресе. Секретаршей второго директора, — добавила она с гордостью. — Я работала на двенадцатом этаже в правлении фирмы Тротам и К°. Слышали?

— Нет. Я никогда не бывал в Буэнос-Айресе.

— Вот это было время! По субботам мы ездили к морю... Знаете, здесь мне больше всего не хватает плавания и моря. Иногда вечерами, когда дует ветер, я чувствую его. Отсюда до берега недалеко.

— Знаю.

— Вы этого еще не чувствуете. Это начинается только спустя несколько месяцев, иногда через полгода...

— Что «это»?

— Трудно объяснить. Пожалуй, беспокойство. Хочется уехать, непременно уехать.

— Тоска?

— Нет. По дому, по близким начинаешь тосковать с самого начала. Но это другое, это труднее определить, это что-то более первобытное. Вероятно, я напрасно говорю вам об этом.

— Почему же. Лучше знать заранее.

— Я не знала. Не представляла себе, что это будет именно так. Порой мне кажется, что я, наверно, не приехала бы сюда, если б знала.

— И тогда?..

— В лучшем случае я сидела бы сейчас в кресле на колесиках. А тогда я чудовищно этого боялась, пожалуй, больше, чем смерти. Представляете себе? Смотреть на всех — на прохожих, на других девушек, на людей, едущих на работу, — и знать, что ты лишена этого... навсегда. Остаться здесь было единственным выходом. Я хожу, работаю, иногда даже плаваю в нашем бассейне. Правда, с этим дело обстоит несколько хуже, потому что ноги у меня еще немного болят, особенно ступни.

— Другого выхода не было?

— Нет. Я была у самых известных специалистов. Даже на другом полушарии, в Европе. Меня послал мой парень. Он копил на домик. У меня был отличный парень. Он хотел жениться на мне, но Эгберг принимает только одиноких. Впрочем, не знаю, вышла ли бы я за него. Это было бессмысленно.

— А как вы сюда попали?

— Один из врачей, у которого я была в то время, когда дыхательный центр был уже поражен, сказал мне об Эгберге, но предупредил, что ничего мне не советует, просто информирует.

— А Эгберг потребовал денег?

— Нет. Мой случай был очень нетипичным. Эгберг сказал, что может заняться мною только в порядке эксперимента и что за успех не ручается.

— И вы согласились?

— А что мне еще оставалось? Я прошла через все формальности, подписала все доверенности и заявления и... вот я жива, как видите.

— А тот?

— Кто?

— Тот, из бункера?

— А, Бертольд. Он тоже все подписал. У него просто не было денег. У него было только сердце. Большое сердце.

— Кем он был?

— Электроником. Уже в возрасте. Однажды он сказал мне, что еще помнит времена, когда электронные контуры составляли из отдельных транзисторов.

— И долго он жил?

— Несколько лет. Он уже был здесь, когда я пришла. Спокойный, молчаливый, совсем незаметный человек. Он сидел в своей лаборатории и иногда даже не выходил к обеду. В тот раз он тоже не пришел, а потом Джосп на-

шел его в бункере. Бертольд знал, что войти внутрь — значит обречь себя на верную смерть.

— Точно так же, как отойти слишком далеко от института? — Мольнар задал этот вопрос нарочно, хотя уже предвидел ответ.

— Не совсем. В бункере поле обрывается резко. Оно там хорошо экранировано... и эффект такой, словно сердце вдруг остановилось. Так говорил Эгберг. А выйти за пределы института — это медленная агония. Напряженность поля уменьшается постепенно с каждым метром.

— Он упал в бункер?

— Видимо, соскользнул по пандусу. Там есть пандус, — добавила она. — Он ослаб прежде, чем успел выйти, так утверждает Эгберг.

— А вы?

— Что я?

— Что вы об этом думаете? — Мольнар заметил, как она быстро взглянула на экран.

— Я? Ослаб. Это был пожилой человек. Пожалуй, так, — добавила она тише. — Хотите пить?

— Нет. Благодарю вас, — он прикрыл глаза, думая о пожилom человеке, умершем в бункере, потому что его искусственное сердце не получало энергии от поля, генерируемого в институте. Искусственное сердце остановилось, как настоящее. Он вспомнил, как тогда, у проходной, упал, — и снова увидел верхушки сосен, расплывающиеся на фоне неба. Потом заснул.

* * *

Через несколько дней Мольнар уже мог передвигаться по комнате от кровати к креслу. Эгберг приходил два раза в день с Дорном, своим молчаливым ассистентом, которого Мольнар видел на экране в день прибытия после ужина. Дорн вел себя как врач, обычный врач, и они говорили о температуре тела Мольнара, о давлении и дыхании. Мольнар ждал, когда же, наконец, Эгберг скажет ему, что он стал новым приобретением фермы, фермы Эгберга, но тот осматривал его швы и уходил. Мольнар был еще слаб, слишком слаб. Иногда приходил один Дорн, но Мейдж никогда. Мольнар не спрашивал о ней. Он обдумал все возможности и не спрашивал. Если ее отсутствие было результатом решения Эгберга, который слышал их разговор и решил, что она сказала слишком много, то спрашивать о ней не имело смысла. Если же ее отсутствие было случайностью, то в будущем она могла явиться источником информации, которой он никогда не получит от Эгберга или Дорна, потому что Дорн практически все время молчал. Только раз, нанося красным карандашом новые данные на карту болезни Мольнара, он совершенно неожиданно сказал:

— Я когда-то учился по вашему учебнику, профессор.

— Да?

— По новому изданию. Оно появилось, когда я был еще студентом.

Мольнар помнил это издание. Издатель разыскал его после нескольких месяцев поисков. Он помнил представителя фирмы в темном костюме с черным портфелем, из которого тот вынул заранее подготовленный договор. Встреча произошла за маленьким столиком, покрытым местами прожженной скатертью. Представитель фирмы то и дело вытирал лицо белым платочком и, кажется, до последней минуты не был уверен, что перед ним сидит тот самый профессор нейроники, учебник которого хочет издать его фирма. Позже Мольнар получил чек на такую сумму, которая позволила ему купить лодку с мотором. Потом он ловил рыбу с собственной лодки, и мужчины, с которыми он работал, завидовали ему.

— Помню эту книжку, — сказал Мольнар. — Когда ее издавали, я считал, что они могли бы найти кое-что лучше и уж наверняка поновее.

— Это был хороший учебник, — сказал Дорн. — Сегодня-то уже все изменилось, но в то время он был вполне на уровне. Вы согласны?

— Не знаю. Сейчас я не смог бы написать даже такого учебника. Все забыто...

— Я не хотел вас обидеть, профессор, — сказал Дорн. — Впрочем, думаю, вы смогли бы работать и сейчас. Такие вещи не забываются.

— Пожалуй, не смог бы. Я слишком стар. А вы слишком молоды, чтобы это понять.

— И все-таки я думаю, что я прав.

— А может, у вас просто нет выбора.

— Не понимаю.

— Что же вы еще можете делать, будучи объектом на ферме Эгберга!

— Я... Я не объект. Я здесь работаю.

— Но вы здесь живете и никогда не выходите отсюда.

— Я считаю, профессор, что любой молодой врач, который хочет чего-то добиться, должен несколько лет проработать как я, быть всегда на месте, все делать собственными руками.

— Вы врач?! Не острите, юноша! Вы экспериментатор, вы худшая разновидность экспериментатора, которая когда-либо существовала! Вы экспериментируете на собственном виде, на людях, которые могли бы быть вашими друзьями, родственниками, детьми. Пересадка мозга, изменение индивидуальности. Человек постепенно перестает быть собой, начинает чесать за ухом или ощущать жажду, стоит вам нажать кнопку. С отвращением отворачивается от любимой или способен раздрать ей глотку, если вы сделаете соответствующее движение пальцем.

— Вы преувеличиваете, профессор!

— Нет, я говорю правду, и только правду. Все, что я думаю об этих экспериментах и таких людях, как вы. Я не искажаю этой правды, как это делаете вы.

Дорн не ответил. Он положил в карман белого халата карандаш, который до этого вертел в пальцах, и вышел.

«Теперь он будет размышлять над тем, что я ему сказал, — подумал профессор, — разумеется, если такие люди, как он, вообще размышляют над тем, что делают».

* * *

Под вечер он выходил в сад и, пока еще было тепло, прогуливался по узким аллеям среди кустов, а когда жара спадала, ложился на траву или на каменный бордюр бассейна и смотрел на небо. Часы проходили, и, когда начинало смеркаться, он возвращался в свою комнату, куда Джосп приносил ему ужин. Когда Джосп уезжал на небольшом крытом брезентом пикапе, ужин приносила Мейдж. Она ставила поднос на столик, иногда справлялась, как Мольнар себя чувствует, но всегда делала это уже в дверях, когда выходила. Она не глядела на экран или в выпуклые линзы видеопередатчиков, но Мольнар и без того знал, что объективы аппаратов смотрят на них глазами Эгберга, а может, Дорна. Лишь Джосп, казалось, не замечал их, но он был не объектом, а человеком, для которого мир не кончался за оградой института. Он был исполнителен, силен и курил те же сигареты, которые когда-то курил Мольнар. Их дым оставался в комнате, когда Джосп выходил, и Мольнар чувствовал их запах еще ночью, засыпая. Однажды он взял одну сигарету из пачки, которую Джосп положил рядом с подносом. Поискал спички, но их не было. Джосп щелкнул большой бензиновой зажигалкой, и Мольнар почувствовал во рту вкус дыма.

— Доктор не разрешает, да? — спросил Джосп.

— Нет. Сам бросил.

— Я не могу. Когда-то пробовал. А сигареты ничего. Я их покупаю в городке, контрабандные.

— Да, но для этого надо туда ездить.

— Э, не жалейте! Вонючая дыра.

— Но вы можете ездить дальше.

— Не могу. Доктор не позволяет. Все мы здесь должны быть всегда на месте.

— А сам он ездил?

— Когда-то ездил к семье, недалеко отсюда, пятьдесят миль. Теперь и он не ездит.

— Почему?

— Не знаю. Говорят, развелся с женой.

— А в действительности?

— Он со мной не делится, — Джосп взял поднос.

— А вам еще не надоело?

— Немного. Но здесь хорошо платят. Где-то ведь надо работать.

— У вас здесь много работы.

— Все делаю. Сами видите.

— У вас многосторонняя квалификация. Институт — это почти фабрика, по крайней мере по количеству потребляемой энергии.

— Не надо преувеличивать.

— Хотелось бы мне когда-нибудь взглянуть на вашу аппаратуру.

— К сожалению, это невозможно. У нас на этот счет есть точные инструкции. Какая-нибудь авария, и большинство экспериментов пришлось бы прервать. Не говоря уж о биологическом материале, который здесь довольно дорог. Разумеется, у нас есть гарантия.

— Аварийная установка?

— Да.

— Ясно. При небольшой мощности это самый простой выход.

Джосп внимательно посмотрел на Мольнара.

— Мне говорили, вы нейроник.

— Мало ли что говорят. Моя специальность гораздо ближе к вашей, чем вам это кажется, — Мольнар сказал это, не раздумывая над тем, что говорит. Он уже думал о другом: о небольшой мощности, потребляемой институтом, и понял, что один из них — Эгберг или Джосп — говорит неправду. «Я это выясню», — решил он, даже не заметив, как Джосп вышел.

Мейдж он встретил на следующий день в саду.

— Мейдж... У вас есть немного свободного времени?

Она остановилась в нерешительности, потом не очень уверенно ответила:

— Мне надо быть в секретариате.

— А может, вам неловко разговаривать со мной здесь?

— Нет, почему же.

— Мне казалось, что мы теперь редко встречаемся.

— У меня масса работы.

— Я не отниму у вас много времени. Я хочу знать только одно. Лично вы испытали когда-нибудь на себе результаты исчезновения поля?

— Я нет, но Бертольд...

— Мы сейчас говорим не о Бертольде. Сами вы никогда ничего не замечали? Головокружение в частично экранированных помещениях или что-нибудь подобное?..

— Нет. А почему вы спрашиваете?

Мольнар ответил не сразу.

— Я скажу вам, — решил он наконец. — Я подозреваю, что этого поля вообще нет.

— То есть как нет?

— Просто нет. Точнее, оно существует только в вашем воображении и в воображении еще нескольких объектов фермы, как вы их называли. Это гениальная по своей простоте выдумка Эгберга.

— Что-то не понимаю.

— Но это же просто. Скажите, остались бы вы здесь, несмотря на все обязательства, данные вами перед операцией, если б не поле?

— Ну, разумеется, нет! Ах... понимаю! Вы думаете, он мог бы так поступить? Убедить нас в существовании поля, которого в действительности нет?

— Мог бы наверняка. Вы не знаете своего шефа.
— И вы убеждены, что он именно так поступил?
— Нет... Честно говоря, нет. И поэтому я хотел бы предложить вам проделать один эксперимент.
— Чем я могу вам помочь?
— Вы спуститесь в бункер, Мейдж, на две-три минуты, не больше. Если с вами ничего не случится, вы будете свободны.

Она внимательно смотрела на него.

— Я думаю, войти туда — значит умереть. А я не хочу умирать.

— Вы хотите остаться здесь до конца жизни? Несколько дней тому назад...

— Тогда у меня был тяжелый день. Иногда это бывает. Но я хочу жить, даже здесь, если нельзя иначе.

— Слушайте, Мейдж. О смерти нечего и говорить. Я буду вас страховать снаружи. И просто вытащу оттуда, если вы потеряете сознание. За одну секунду не умирают. Я обвяжу вас веревкой и вытащу.

— Иначе этого проверить нельзя?

— Нельзя. Ну так как?

Она не ответила.

— Это важно и для вас. Кроме меня, никто поставить опыт не решится. Все вы здесь боитесь Эгберга. Не возражайте. Это видно. А чтобы проделать этот опыт, одного человека мало. Вспомните о Бертольде. Если б его тогда кто-нибудь вытащил, он жил бы и сейчас. Но он пытался сделать это один.

— Пытался?

— Я так думаю. Он должен был заметить то же, что и я.

— Я боюсь, профессор, но попробую. Если я умру — это останется на вашей совести.

Мольнар ждал, что она улыбнется, но она смотрела на него так же серьезно, как и раньше.

— Когда вы хотите попробовать, профессор?

— Сейчас. Вы можете? Веревка готова.

— Хорошо. Только сменю платье.

— Зачем?

— На всякий случай...

— Послушайте, Мейдж, перестаньте дурачиться. Пошли! На этот раз она улыбнулась.

— Хорошо. Пошли. Не бойтесь, профессор. Это решено.

В институт они вернулись порознь и встретились на лестнице, ведущей в подвал. Рядом с широкими ступенями шел бетонный пандус, оканчивающийся у входа в бункер. Мольнар еще раньше приходил сюда и прятал здесь веревку, сделанную из двух коротких шнуров, связанных морским узлом и служивших для опускания гардин в его комнате. Мейдж даже не проверила узла. Он крепко обвязал ее в поясе, так что она едва могла дышать, а потом несколько раз дернул веревку, чтобы проверить, выдержит ли она.

— Готово, — сказал он.

Мейдж без колебаний вошла в бункер. Он переждал несколько секунд, потом спросил:

— Что вы чувствуете?

— Пожалуй, ничего. Только жарко.

— Это от волнения...

Он смотрел на часы. Прошла минута.

— А сейчас?

— Ничего. Совсем ничего.

Через пять минут, когда она вышла из бункера, он знал, что был прав.

— Мы выиграли, Мейдж, — сказал он, развязывая веревку. В полумраке он видел ее лицо.

— Значит, я свободна? — медленно спросила она.

— Да.

— Это прекрасно, профессор, — она резко повернулась и побежала по пандусу наверх, к светлому прямоугольнику выхода.

Мольнар свернул веревку, спрятал между ящиками и пошел вслед за девушкой по ступеням. На половине дороги он увидел сандалию.

* * *

Итак, поля не было. Теперь он мог попросту выйти за ограду, спуститься вниз в городок. Какой-нибудь корабль наверняка забрал бы его, а через пять-шесть дней он был бы уже дома, если за это время его комнату не сдали кому-нибудь другому. Но ведь Бертольд умер, и это его беспокоило. Мольнар был уже немолод и никогда не действовал слишком поспешно. Он решил повторить эксперимент. «Теперь туда войду я, а Мейдж будет страховать, — думал он. — Только хватит ли у нее силы, чтобы вытащить меня, если я потеряю сознание». Он решил, что подумает об этом после ужина. Но после ужина пришел Эгберг.

— Я думаю, профессор, нам пора поговорить, — сказал он и сел в кресло, сняв с него какие-то вещи Мольнара.

— Давно жду.

— Раньше я не мог, потому что еще не знал результатов анализов. Теперь у меня есть полная картина состояния вашего организма.

— Полная?

— Да. Мы установили это достаточно точно. Оказалось, что мое решение было правильным. Состояние вашего организма не оправдывает вживления автономного сердца.

— Как это понимать?

— Ваше теперешнее сердце работает от внешней энергии, вырабатываемой генератором силового поля института. Поэтому вы не можете покинуть институт.

— И вы не намерены дать мне автономное сердце?

— Нет.

— Люблю прямые ответы. Но это незаконно. Я не давал согласия на такую операцию.

— Я спасал вашу жизнь и выбрал ту систему искусственного сердца, которая у меня была. Вы знаете так же хорошо, как и я, что ни один судья в этом случае не при- судит меня даже к штрафу.

— Но я имею право заменить сердце.

— Разумеется. Если закупите автономную систему, а также оплатите расходы, связанные с пересадкой.

— Вы же знаете, Эгберг, что это нереально.

— Знаю.

— И как долго вы собираетесь меня здесь держать?

— Отключить ваше сердце я не могу, потому что это поставило бы под угрозу вашу жизнь. К тому же это на-

казуемо. Я мог бы, разумеется, передать вас в государственный институт, но, учитывая наше длительное знакомство, это отпадает...

— Значит, до смерти?

— Будем говорить открыто, у вас нет других перспектив, профессор.

— Зачем эта откровенность? Я и так прекрасно понимаю.

— Я говорю это не без цели. Ваша кровеносная система и почки в скверном состоянии. Кроме того, я подозреваю наличие новообразования в печени. В сумме два-три года жизни.

— На большее я и не рассчитывал.

Мольнар встал и хотел зажечь свет. В комнате было уже темно, и он не видел лица Эгберга, а знал, что разговор еще не окончен.

— Сядьте, профессор. Я задержу вас еще минуточку. Мольнар сел.

— Я хочу кое-что предложить вам, профессор, — тихо сказал Эгберг. — Пересадку вашего мозга в молодое и здоровое тело, абсолютно здоровое. Экспериментальная операция. Насколько я знаю, в мире сделано лишь несколько операций подобного типа. Разумеется, за результат трудно поручиться...

— Доктор Эгберг, — прервал Мольнар, — вы смеетесь! Вы знаете, я думаю об этом не первый день...

— Теоретически! Но в данном случае речь идет о вашей жизни!

— Вы что же думаете, что из-за полутора десятков лет жизни я соглашусь на это? То, что вы предлагаете, — обычное, банальное преступление!

— Ничего подобного! Один человек умирает, потому что в его здоровом теле погибает мозг. А у другого износилось тело, но исправен мозг. Из этих двух человек, двух почти мертвых людей я делаю одного — здорового. Я делаю человека! Человека, которого не было.

— Вы лишены воображения, доктор. Это тоже уродство... А если мозг, пересаженный в новое тело, не пожелает умереть вместе с этим телом и станет искать нового, очередного носителя, а потом следующего! Иметь всегда двадцать с небольшим лет, до смерти мозга! Вы никогда об этом и не мечтали. Достаточно сменить пять, шесть носителей. Нет физической старости. Молодость, вечная молодость в очередном теле.

— Вы преувеличиваете, профессор. Будут разработаны законы...

— Это ничего не меняет. Паразитирование на собственном биологическом виде, вот к чему ведут ваши эксперименты.

— Я слышал уже это несколько лет назад.

— Как видите, мое мнение не изменилось. А теперь прошу вас уйти.

* * *

Мольнар долго не мог уснуть. Он думал о человеке, в тело которого Эгберг хотел перенести его мозг. Это наверняка должен быть мужчина, молодой мужчина, и в записи электрической активности его мозга Эгберг обнаружил те изменения, которые предвещают смерть. Вероятно, у него были коллеги, родственники, он читал спортивную хронику и, когда хотел быть один, заплывал в море далеко от берега. Мольнар перевернулся на другой бок, потом встал, прошел в ванную и, открыв кран с холодной водой, сунул под струю голову.

Он уже совсем засыпал, когда его разбудил Эгберг, спросив с экрана, когда он последний раз видел Мейдж. В этот момент Мольнар понял, что пойдет в бункер один.

Он спустился туда без колебания на следующий день утром. Он не мог дольше ждать. Знал, что Эгберг не откажется от своих планов. Он сделал два шага вглубь. Остановился. Дыхание участилось. «Это от страха», — подумал он. Потом почувствовал головокружение, спазму и понял, что уже не выйдет из бункера.

* * *

Когда он очнулся, было совсем темно. Он помнил, как вошел в бункер, и знал, что с тех пор прошло много дней. Состояние, в котором он находился, не было анабиозом, потому что его мозг отмечал течение времени. Кроме того, были еще какие-то отрывки наблюдений, но нереальные, расплывающиеся, когда он концентрировал на них внимание. Он дышал нормально, не чувствовал боли. Спустя мгновение понял, что кто-то коснулся его головы. Неожиданно он начал видеть — ему сняли повязку с глаз. Перед ним стоял Дорн.

— Вы меня видите? — спросил Дорн.

— Вижу, — ответил Мольнар. Говорить было трудно.

— Слышите меня хорошо?

— Да.

— Попробуйте встать.

Мольнар встал. Все тело было какое-то одеревенелое, движения неkoordinированные. Он сделал два шага и покачнулся.

— Вы ослабли? — спросил Дорн.

— Нет. Онемение.

— Это не онемение, а отсутствие координации. Координация восстановится через несколько дней. Сейчас пройдем в кабинет.

Дорн открыл дверь и прошел в кабинет Эгберга. Эгберга там не было.

— Вы меня спасли? — спросил Мольнар.

— Да.

— А Эгберг?

— Он оставил вам письмо. Присядьте. — Дори полез во внутренний карман пиджака и подал Мольнару запечатанный конверт. — Если вы чувствуете себя хорошо, я пройду в соседнюю лабораторию. Если я вам попадоблюсь — крикните.

Мольнар разорвал конверт. Письмо было написано от руки.

«Уважаемый профессор!

Это письмо является продолжением нашего разговора, который мы в тот раз не закончили. Так вот, человек, тело которого я хотел вам тогда предложить, это я. Если вы читаете это письмо, значит пересадка удалась, и вы мозг моего тела...»

— Дори! — крикнул Мольнар.

Дори присткрыл дверь.

— Зеркало!

— Пожалуйста, — Дори подал ему небольшое зеркальце, и Мольнар увидел лицо Эгберга. Лицо было какое-то другое. Спустя мгновение Мольнар понял, что глаза остались его. Он отложил зеркало.

«Я убежден, — продолжал он читать, — что поступил правильно. Все, что касается вашего организма, я вам изложил во время разговора совершенно объективно. У меня же обнаружена опухоль мозга, довольно быстро прогрессирующая, так что мне следовало поспешить, чтобы успеть запланировать и подготовить операцию. Причины моего решения двояки: во-первых, личные, их вы наверняка не поймете. Во всяком случае, если вы одобрите эту пересадку, вас ждет, предположительно, двадцать лет жизни, возможность научной работы в институте, который с этого момента становится вашей собственностью. Моими личными проблемами я вас не отягощаю. С женой я разведен, материально она обеспечена. Жена моя знает фактическое положение вещей, и с этой стороны я не предвижу никаких осложнений. Второй причиной моего решения является тот факт, что ваша профессиональная подготовка позволит институту продолжать работу. Весьма ценными могут оказаться ваши субъективные наблюдения в послеоперационный период. Я предложил бы вам написать доклад по этому вопросу. Разумеется, решение остается за вами. Что касается операции, то ее проделал Дорн. Мое согласие на пересадку вы найдете в документах, вы же, с точки зрения закона, представляете собою «тело, оставшееся после несчастного случая». Таким образом, здесь тоже все в порядке, поскольку закон не запрещает пересадки мозга при подобных обстоятельствах. Кроме того, в случае вашего несогласия с моим решением вы в любой момент можете ликвидировать результаты пересадки и умереть.

Мне хотелось бы объяснить вам еще одно обстоятельство. То, что вы спустились в бункер, доказывает, что вы не верите в существование силового поля, генерируемого в институте и поставляющего энергию вашему сердцу. Ваши предположения справедливы. Такого поля нет. Ваше сердце питалось от батареи, содержащей радиоактивные элементы и вживленной вместе с сердцем. Однако ритм работы сердца регулировался извне путем импульсов, передаваемых непосредственно генератором института. Когда вы вошли в бункер, синхронизация прекратилась. Результаты этого вы почувствовали на себе. Должен признаться, я предполагал, что вы спуститесь в бункер, и мы там ждали вас. Собственно, с момента ухода Мейдж мне все стало ясно. Веревка, найденная около бункера, только подтвердила мои предположения. Однако вы не могли знать, что Мейдж, у которой был пересажен продолговатый мозг, совершенно не зависела от нашей синхронизации, вы же — да. Что ж, в определенном смысле вы действовали себе во зло и с уходом Мейдж вы потеряли очень хорошую секретаршу. Но этого вы предвидеть не могли.

Я предоставляю вам право решить, стоит ли давать коммюнике, касающееся пересадки. Иными словами, вы можете жить как Эгберг или же под собственным именем. Все документы, необходимые и в том и в другом случаях, приготовлены.

Эгберг».

Мольнар отложил письмо и несколько минут сидел неподвижно, не думая ни о чем.

Затем в кабинет заглянул Дорн.

— Как ваше самочувствие? — спросил он.

— Превосходно.

— Я горжусь этой операцией, — сказал Дорн. — Вы будете давать сообщение в газеты?

Мольнар не ответил. Потом спросил:

— Что с моим телом?

— Кремировано и погребено. Три месяца тому назад. Пересадка такого рода — это многофазная операция.

— А его мозг?

— Отделен.

— Жив?

— Да. Взгляните, — Дорн подошел к пульту и нажал кнопку. На экране появился большой сосуд, заполненный почти бесцветной жидкостью, в которой плавал мозг. Мольнар видел соединенные с мозгом глаза. Один глаз смотрел на них прямо с экрана. В динамике слышался тихий шелест насосов, перегоняющих питательную жидкость, потом он увидел запись электрических токов в мозге Эгберга. Это была запись активности бодрствующего мозга! Этот мозг видел, мыслил... и знал! Стеклообразные стенки сосуда, из которого нет выхода, — вот весь его мир.

— Это его решение? — спросил Мольнар Дорна.

— Нет. Но мозг был нам нужен для опыта в области управления движением грузовых ракет к планетам. Мы здесь разрабатываем эту тему.

— Но его мозг?

— Новообразование пока не дает особенных эффектов.

— Значит, он не давал на это согласия?

— Нет, но послеоперационные отходы мы всегда используем.

— Дорн, вы обычный мерзавец, — сказал Мольнар и, кивнув в сторону экрана, спросил: — Который это зал?

— Седьмой.

— Дайте мне ключи. Ключи Эгберга.

— Они у Джоспа.

— Принесите.

— Но...

— Я сказал, принесите. Здесь решаю я.

Спустя минуту Дорн вернулся с ключами.

— Останетесь здесь, — сказал Мольнар.

Он прошел по коридору и открыл дверь седьмого зала. Стараясь не оказаться в поле зрения глаз, он подошел к насосу, подающему в сосуд питательную жидкость, и отключил его. «Это будет лучшим выходом, — подумал он, — он умрет от недостатка кислорода и даже не отдаст себе в этом отчет. Он просто заснет и больше не проснется. Если бы я выпустил жидкость из сосуда, он умер бы быстрее, но знал бы, что умирает». Мольнар еще некоторое время рассматривал кривую активности мозга на экране осциллографа, потом вышел, замкнул дверь и тут увидел Дорна.

— Отдайте мне свои ключи, — сказал Мольнар.

— У меня... У меня их нет.

— Ну что же... Оставьте их у привратника. С этого момента вы больше не работаете в институте.

— Почему? Ведь я...

Мольнар не слушал. Слегка покачиваясь и то и дело опираясь рукой о стену, он спустился по лестнице в подвал. Подошел к двери силовой. Замок был сложным, а пальцы еще не приобрели нужной гибкости. Наконец ему удалось войти внутрь. Лампы загорелись автоматически. Он увидел толстые медные провода, рубильники и щиты с изображением черепа и перекрещивающихся костей. Это была главная сеть. Он поискал аварийную. Сначала выключил аккумуляторы и сорвал провода.

— Что вы делаете?!

Это был Дорн.

— Немедленно выйдите вон! — сказал Мольнар.

— Но этого же нельзя делать... опыты... все остановится. Препараты погибнут.

Мольнар потянулся к главному рубильнику.

— Нет! — крикнул Дорн и кинулся на него.

Мольнар оттолкнул Дорна. Рука Эгберга была сильной. Дорн ударился головой о распределительный щит и упал. Мольнар рванул рубильник. Свет погас. Он вырвал предохранители, кинул их в ящик с аккумуляторами и вышел на лестницу. Где-то наверху редела сирена.

«Препараты погибнут», — подумал он. Потом вспомнил о трехмесячной жизни мозга Эгберга, бессонном бдении, стеклянных стенках сосуда и глазах, у которых нет мускулов, чтобы изменить положение, о бдении в полном сознании того, что, кроме ожидания, уже ничего не может быть.

Он пошел к воротам.

— Вы уходите, доктор? — спросил привратник.

— Да.

— Мне пойти с вами?

Мольнар внимательно взглянул на него.

— Зачем?

— Вы спасли мне жизнь, доктор. И вы уходите, когда в институте тревога и я слышу сирену. Вы уходите надолго?

— Да, но ты остаешься... Санчо.

— Меня зовут Томб.

— Меня тоже по-настоящему зовут Мольнар.

Он кивнул Томбу, вышел за ворота и начал спускаться по тропинке вниз.

Перевел с польского Е. ВАЙСБРОТ

